

УДК 159.9.01

ЭКСТРЕМИЗМ БЛАГОДЕЯТЕЛЬНЫЙ

В.В. Фёдоров, Н.Б. Бааль

Тверской государственной технической университет (г. Тверь)
Тверской филиал Института МВД (г. Тверь)

Склонность индивида или коллективного субъекта к экстремистскому типу поведения объясняется как условиями окружения, так и установками к действию. В массовом сознании неустранимо присутствует элемент интереса к экстремальному как способу объяснения и понимания действительности, а также «простого» решения сложных проблем. Как сложному явлению, экстремизму свойственно многообразие социальных функций.

Ключевые слова: экстремизм, массовое сознание, восприятие, функции.

Социальная действительность обладает достаточно высокой степенью автономии и устойчивости, чтобы допускать экстремальное в качестве одного из элементов мозаики бытия. Структурные взаимодействия, социальная диспозиция, функционально-ролевая система, статусные шкалы общества предстают в такой перспективе как самовоспроизводящиеся культурные контуры принимаемых большинством членов общества социальных оценок и ценностей. Структурированная система согласованно действующих людей – общество – постоянно выявляет в структуре повседневности потребности, установки, мотивы различных акторов. И особый интерес в его глазах приобретает тот, кто проявляет себя в несогласованной экстремальной активности.

В массовом сознании неустранимо присутствует некий элемент интереса к экстремальному, что объясняется не только необходимостью противостоять узко позитивистскому истолкованию мира, но и потребностью в его образно-смысловом восприятии и понимании. Экстремальный способ решения проблем, обращенный к различным пластам отражения действительности в психике человека (включая бессознательное), выступает как средство объяснения происходящего, делая его более доступным пониманию. Сопоставление структуры и содержания различных экстремистских проявлений (особенно затрагивающих интересы большинства) нередко приводит к мысли, что «из самих переключек между этими описаниями вырисовывается одна и та же драма, которая, похоже, лежит в основе всех героических историй» (П. Тиллих).

Сомнения, поток несогласованных данных, амбивалентность, несправедливость, аритмия и инновационность социальных процессов наполняют жизнь людей фрустрациями и невнятистью, порождая неудовлетворенность и страхи, желание все упорядочить по своему разу-

мению и совсем не обязательно на компромиссной основе. Это та социально-психологическая атмосфера, которая в равной мере характеризует состояние «элитарности» и «маргинальности», принадлежности или исключенности из стабильных общественных групп или субкультур [1]. Ведь экстремист отдает предпочтение цели перед путем (целенаправленно идет навстречу опасности), перед средствами ее достижения, что может быть и приемлемо, но только в чрезвычайных обстоятельствах, при наличии очевидной угрозы.

Экстремальное – всегда привлекает внимание, вызывает интерес, втягивает в орбиту происходящего массу людей. Лучшие образцы искусства всех времен, как правило, отображают именно экстремальные изломы судеб и характеров, показывая последствия предельных нагрузок на человека или черты его экстремального поведения в самых различных обстоятельствах. «Начиная с последних десятилетий XIX века именно бунт против объективированного мира определяет характер искусства и литературы» [2].

Склонность индивида или коллективного субъекта к экстремистскому типу поведения объясняется как условиями окружения (в самом широком понимании, и не только социального), так и установками к действию. Причем существование несхожих установок у различных индивидов не может быть объяснено на основе концепции об атомарности личности, о ее неделимости. Та или иная установка рождается под воздействием социально-психических структур, образующих личность.

Считается (Х.А. Марина, П. Жане и др.), что причина экстремальных видов поведения кроется прежде всего в разрыве связей, обеспечивающих гармоничное взаимодействие различных ментальных уровней [3]. Чтобы понять человеческое поведение и справедливо оценивать его, целесообразно прибегать к принципу иерархии уровней контекстуального опознания и понимания. Он обязывает нас к вынесению суждений на различных уровнях. То, что приемлемо на одном уровне, выглядит совершенно иначе на другом. Например, самопожертвование террористки-смертницы – образец храбрости и патриотизма в глазах определенной части общества, но сам терроризм как «экстремизм в экстремизме», использующий эту девушку, является аморальным и бессовестным. «Интеллектуальная оценка нашего поведения напоминает матрешку. Матрешки, находящиеся внутри, сами по себе могут быть разумнейшими, но это ничего не значит, если глупа матрешка-мать» [3]. В итоге то, что управляет нашим поведением, является сложным продуктом смешения знаний и эмоций. Первые имеют дело с фактами, вторые с ценностями. Как сказал Аристотель, все мы представляем собой лишь «вразумленное желание или вожделеющий разум».

Исследуя философско-психологическую природу экстремизма, анализируя феномен во всех его проявлениях, разрабатывая их классификации и типологии, уместно обратить внимание на нередко диамет-

ральное расхождение оценок явления. Экстремистские проявления по-разному оцениваются официально и в повседневности (во всем многообразии общественных отношений и ценностей). Но тогда, может быть, у экстремизма, как всякого социально значимого феномена, есть два полюса [4] и можно говорить об экстремизме положительном и отрицательном?

Люди с нормальной психикой, образованием и здоровьем обычно вполне терпимы по отношению к новому, непонятному, чужому. И такая терпимость воспринимается как нечто положительное - «нормально быть человеком широких взглядов, никого не осуждающим и готовым принять все таким, какое оно есть. Но бывают времена, когда ошибкой было бы все, кроме экстремизма, и ничто, кроме нетерпимости, не может быть верно» (Ф. Блоссер).

Действительно, экстремизм – как крайность, то, что выходит за рамки общепризнанного и общепринятого – вполне приемлем в деле защиты «своего» (своих ценностей, обычаев, своей культуры, своей Родины, своей религии и т. д.). Но именно защиты, потому что терпимость перед лицом агрессии всегда является странной, не допускающей оправдания. Требование толерантного отношения к агрессии – это признак не благоразумия и зрелости, а недомыслия, трусости, неверности или заблуждений.

Общеизвестны отрицательные стороны экстремизма. Однако в массовом восприятии экстремисты нередко выступают как герои, которые «в решительный момент делают то, что нужно делать в интересах человеческого общества» (Ю. Фучик). Человек, даже очевидным образом превысивший все разумные пределы в противостоянии убийцам, педофилам, грабителям и пр., первоначально опознается как герой. Потом, когда проявятся важные детали события, кто-то изменит свою оценку. Но в массовом восприятии изначально он противостоял злу, а значит – герой (пусть даже и герой-экстремист).

Во-первых, стремительно возникающий миф о герое-экстремисте является неустранимым, необходимым и во многих случаях даже созидательным компонентом общественного сознания, которое не может довольствоваться только рациональными аргументами. Мифологическая интерпретация событий и прогнозы придают особую, эмоционально окрашенную значимость нашим ценностям, убеждениям, целям на будущее, всегда востребованы [5].

Во-вторых, герои-экстремисты своими поступками «обособливают какие-то моменты жизни, позволяет рассмотреть их более пристально, увидеть то, что оставалось скрытым. Экстремизм действует как увеличительное стекло, обнаруживая смысл и развенчивая истинность «общепринятых истин». Крайние взгляды и крайние действия разрушают омертвляющую стабильность и препятствуют застою крови в обще-

ственном организме. В этом смысле экстремизм – фермент жизни и мощнейший антиэнтропийный фактор» [6].

Идеология и практика экстремизма оказываются привлекательными для многих творческих, интеллектуальных и активных людей (прежде всего для части молодого поколения), поскольку предлагают путь формирования (или восстановления) мира возможностей. Располагая радикально иными и неприемлемыми для существующей системы идеями и планами, экстремистское сообщество создает дополнительный резерв возможностей для общества, переживающего кризисный период, который не может быть разрешен силами самой регулярности за счет смены элит или прихода к власти легитимной, системной оппозиции. В этом заключается парадоксальность феномена экстремизма - с ним необходимо бороться любой регулярности, которая стремится продлить свое существование, и вместе с тем экстремизм необходим на случай социальной катастрофы, поскольку может способствовать появлению (воссозданию) новой социальной структуры.

Экстремисты приходят к власти, когда исчерпываются совокупность потенциалов преобразования традиционными, эволюционными способами и, погрузив на время все общество в экстремальную ситуацию, создают новую регулярность. Представляя собой опасное и нежелательное явление для любого общества, экстремизм оказывается его необходимым компонентом с точки зрения позиции, настроенной над процессом смены обществ, понимаемым как единое связанное процессуальное целое.

Необходимость такого предельно широкого взгляда объясняется очевидным и повсеместно наблюдаемым расширением и поляризацией дескриптивной модели экстремизма, заключающейся в отображении области функционирования феномена в элементы области цели индивида и социального субъекта. Подобный подход к проблеме экстремизма дает возможность занять позицию, с которой видится: а) стратегическая необходимость допустимости экстремистских ресурсов в обществе (своего рода предохранительного клапана, позволяющего, пусть и с неизбежными потерями, сбрасывать опасное социальное напряжение); б) возможность формирования механизмов предотвращения неконтролируемого экстремизма; в) задача предотвращения социальной катастрофы, сохранения преемственности традиционных и радикально новых форм социальной и культурной жизни.

Экстремизм – это всегда некоторая социальная монополия для конкретного человека или группы, приоритет возможностей одних перед другими, потенциальный инструмент влияния и предмет социального торга, знак исключительности. При всей специфике социальных интерпретаций, и, следовательно, статусных значений – он порождает определенную социальную «разность потенциалов», социальную напряженность. Его носитель невольно противопоставляет «присвоенный»

статус «полученным», вдобавок, как правило, он более социален и целеустремлен.

Огромное количество людей считает притягательными и вполне приемлемыми для себя лично элементы экстремального поведения (сторонники экстремальных видов спорта и отдыха, футбольные фанаты и пр.). Более того, проявлениям экстремизма часто присущи инфицирующие (самореплицирующиеся, «вирусные») свойства, поскольку в нем (скорее, в его образе массового восприятия) имплицитно присутствуют аналитически невоспроизводимые суггестивные мотивационные структуры. Поэтому эмпирическое, критическое и конструктивное обсуждение многообразных проявлений феномена неизменно присутствует в жизни любой цивилизации.

Можно говорить и о *мотивационной продуктивности экстремизма*, помогающего многим увидеть свое предназначение в новом свете, новые возможности развития и пр. Любая деятельность приобретает особую эффективность при наличии личностного смысла, т. е. наличия оснований для оценки значимости лично для себя, рождающих пристрастное личностно опосредованное индивидуальным опытом отношение человека к ней, стремление получить социальную поддержку и признание, добиться успеха и определенного социального статуса.

В целом речь идет об «*экстремистских ресурсах*» общества, понимаемых как наличие различных радикальных идей и планов. В конечном счете общество с такими ресурсами оказывается более устойчивым, чем не располагающее ими. Но для того, чтобы эта устойчивость могла быть приемлемыми способами, относительно безболезненно реализована и экстремистские ресурсы использовались «по назначению», необходимо наличие в сфере государственного управления людей и структур, способных функционировать на очень высоком профессиональном уровне, не избегающих спорных и совсем не «политкорректных» вопросов.

Список литературы

1. Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. М.: Механик, 1997.
2. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995.
3. Марина Х.А. Поверженный разум. Теория и практика глупости. М.: Астрель, 2010.
4. Горный Е. От окраины к центру и дальше // <http://www.zhurnal.ru/5/editor5.htm>.
5. Федоров В.В., Суroveгина И.М. Феномен героизма. М.: КомКнига, 2008.

6. Об экстремизме // http://slavaimperii.narod.ru/libr_know13.html.

THE BENEFICIAL EXTREMISM

V.V. Fyodorov, N.B. Baal

Tver State Technological University (Tver)
Tver Chapter of the Institute of the Ministry of Internal Affairs (Tver)

The inclination of the individual and collective subject to the extremist pattern of behaviour is motivated by the external conditions, as well as by the action orientations. There is an inner persistent interest of mass consciousness to the extreme tools of explanation and understanding of reality, and also to the “easy” solutions of complicated problems. As a complex phenomenon extremism possesses a variety of social functions.

Key words: *extremism, mass consciousness, perception, functions.*

Сведения об авторах:

Федоров Виктор Владимирович – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой архитектуры и градостроительства Тверского государственного технического университета. E-mail: vvfnf@tvcom.ru

Бааль Наталья Борисовна – кандидат политических наук, доцент, Институт МВД (Тверской филиал).